

INSPIRIA

ЖЕСТОКИЕ ТАЙНЫ

18+

МОРГАН БРИДЖЕС

INSPIRIA

Сирсаке. Темная романтика (Эксмо)

Морган Бриджес
Жестокие тайны

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Бриджес М.

Жестокие тайны / М. Бриджес — «Эксмо», 2024 — (Сурсаке.
Темная романтика (Эксмо))

ISBN 978-5-04-246122-4

Она — его спасение. Он — ее проклятие. Первая часть дилогии «Орден Обсидиана». Десять семей основателей. История длиной в сотни лет. Тысячи рекрутов, которые были до меня. И только одна девушка, ради которой стоит жить. Делайла даже не подозревала, что поиски брата приведут ее в самое сердце теневого мира. Орден Обсидиана — это не просто организация, а целый лабиринт тайн, из которого невозможно выбраться. Ксавье, ее единственная надежда на спасение, — человек, чья душа давно принадлежит тьме. Когда Орден решает, что Делайла должна стать частью их ритуалов, Ксавье готов пойти против всего, во что верил, чтобы спасти ее. Но сможет ли он защитить ее от самого себя? От автора бестселлеров «Однажды ты станешь моей» и «Теперь ты моя». Морган Бриджес — автор темной романтики, любительница антигероев, глубоких книг с красивым слогом, романтики, от которой захватывает дух, и горячих сцен, которые заставляют краснеть. Она живет со своей семьей недалеко от Далласа, штат Техас.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-246122-4

© Бриджес М., 2024

© Эксмо, 2024

Содержание

Примечание автора	6
Глава 1. Ксавье	7
Глава 2. Делайла	11
Глава 3. Делайла	14
Глава 4. Ксавье	17
Глава 5. Ксавье	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Морган Бриджес Жестокие тайны

Morgan Bridges
Vicious Secret

© Кульницкая В., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

*Ghble Если при виде злодея в голове у тебя звучит не сирена, а
фанфары, – просто расслабься и получай удовольствие.*

Примечание автора

Список триггеров вы найдете на моем сайте: <https://www.authormbridges.com/> Добро пожаловать на Темную Сторону.

Глава 1. Ксавье

Три года назад...

Кто она?

Прищурившись, пытаюсь разглядеть на черно-белом зернистом экране молодую девушку. Она, нахмурившись, направляется к моей цели, Бенджамину Маккензи, и тычет ему пальцем в грудь. Меня послали сюда следить за ним, но я не могу отвести от нее глаз.

– Ты не станешь ради меня отказываться от такого шанса.

Он заметно выше ее, но она бесстрашно тычет ему пальцем в грудную клетку. И сверлит взглядом, упершись руками в обтянутые джинсами бедра. Дерзкая крошка!

– Нельзя просто взять и наплевать на стипендию. Я серьезно!

Он берет ее лицо в ладони и шепчет:

– Я просто не знаю, что сделаю, если с тобой что-то случится, – произносит он, – ты все для меня, Лайла.

А вот и слабость Бенджамина. Из-за этой девчонки его могут убить.

Если Орден Обсидиана о ней узнает...

Я выдыхаю, и мой вздох растворяется в тишине пустой комнаты. Вскоре эта часть жизни Бенджамина – вместе с девчонкой – закончится и будет забыта, превратится в заброшенный дом вроде того, в котором я сейчас нахожусь. На некогда белых стенах топорщатся хлопья краски, по стеклам паутиной разбежались трещины. Смертельная ловушка.

Я в такой всю жизнь прожил, только моя была вся из себя роскошная.

Девчонка закатывает глаза, но явно смягчается.

– Ничего со мной не случится. Ты же сам учил меня полагаться только на себя, помнишь?

Бенджамин качает головой:

– Нет, это меня не успокаивает. Поехали со мной! Я что-нибудь придумаю...

– Что именно, Бен? Будешь пару лет прятать меня в своей комнате в общежитии? Слушай, я в курсе, что ты компьютерный гений, но тут даже тебе не справиться, – помолчав, твердо заявляет она. – Да и вообще, ты же знаешь, я не могу оставить малышей.

Моя цель замирает, мне даже через крошечный объектив камеры видно, что в его теле напряжена каждая мышца.

– Я знаю, – шепчет он.

Девчонка отстраняется с ехидной улыбкой и оправляет вылинявшую голубую футболку.

– Если этот ублюдок с нижнего этажа ко мне полезет, я ему врежу. Вот и все.

Я окидываю ее взглядом. Она мелкая, ростом чуть выше пяти футов, тоненькая, с едва заметно округлившимися бедрами. Если эта шмакодявка способна кому-нибудь врезать, то я зубная фея.

Бенджамин берет ее за плечи и легонько встряхивает. Она смотрит на него сначала удивленно, потом настороженно, но он в запале ничего не замечает.

– Послушай, Фрэнк придурок, конечно, но он сильнее тебя.

Она высвобождается, и ее длинные волосы рассыпаются по спине.

– Зато я проворнее.

– Черт возьми, Делайла! – орет он так, что мне не только из колонок его голос слышно, но и просто через улицу.

А потом он принимается бормотать себе под нос, и я улавливаю, как он повторяет ее имя. Я криво усмехаюсь.

Надеюсь, на самом деле ее зовут иначе. Не то Бенджамину и правда лучше побыстрее о ней забыть.

Он ерошит рукой волосы.

– Не будь наивной! Ты же знаешь, стоит мне завтра утром выйти за дверь, как Фрэнк сразу же...

– Я этого не допущу. – Ноздри ее трепещут от отвращения, брови сходятся на переносице. Могу поспорить, что знаю, какого цвета у девчонки глаза. – Никто не тронет ни меня, ни малышей.

– Не сможешь же ты еще три года его избегать, – возражает Бенджамин. – Не глупи.

У Делайлы дрожит нижняя губа, и я отмечаю, какая выразительная у нее внешность. Она еще молода, но уже умеет держаться с уверенностью взрослого человека. Неудивительно, что на нее обращают внимание, хотя ей это бывает не всегда приятно.

– Не разговаривай со мной так. – Делайла не желает сдаваться. – Если Фрэнк полезет ко мне, или к Эмили, или к Сандре, я его прикончу.

Бенджамин скрещивает руки на груди.

– Это я должен был его прикончить. Тогда мне не пришлось бы за вас переживать.

Верно, я бы так и поступил, но меня-то учили. Ничего, рекрут, скоро и ты научишься.

– Нет, Бен, – вздыхает Делайла. – Убивать можно только в целях самозащиты, не то угодишь в тюрьму. Вот и скажи теперь, кто из нас наивен? – Она вздергивает подбородок. – Ладно, спорить больше не о чем. Когда перестанешь на меня злиться, возвращайся и будем прощаться.

Она выходит, хлопнув дверью, и моя цель вздрагивает. Кем бы эта девчонка ни была, Бенджамина она держит за яйца крепко.

Переключаюсь на камеру, установленную в комнате Делайлы. Она почти не отличается от спальни Бенджамина – кровать, тумбочка, почти никаких личных вещей и украшений.

Не считая хозяйки, конечно.

Я рос в мире больших денег и женщин, которые умели ими пользоваться. Одежда, косметика, салоны красоты... Я видел все, что продается и покупается. Так что красотой Делайлы меня не удивишь.

Я разглядываю ее только потому, что моей цели эта девчонка важна. Она подходит к застеленной старым одеялом кровати и падает на нее. Берет снежный шар с маленьким замком внутри, гладит стекло.

Хмурится, поджимает губы. Не могу отвести глаз от ее выразительного лица. Она совсем не скрывает эмоции. Как неразумно!

Переключаюсь обратно на комнату Бенджамина. Но там пусто, тогда я тут же просматриваю другие камеры, пытаюсь его найти. Однако цели нет ни в коридоре, ни на лестнице, ни в гостиной.

Сжимаю губы, недовольный этим внезапным исчезновением, но тут включается камера в кухне, и у меня подскакивает пульс. Бенджамин стоит в дверях, сжав руки в кулаки. Его приемный отец Фрэнк Гольдштейн пытается отыскать в холодильнике бутылку пива, а справившись с этой непростой задачей, выпрямляется и отпивает из горлышка.

– Какого хрена тебе надо? – пьяно мямлит он.

Бенджамин шагает к нему, разгребая ботинками мусор на полу. Кругом валяются смятые пивные банки и упаковки от чипсов, покосившиеся шкафчики, кажется, вот-вот попадают со стен. На мгновение меня охватывает отвращение, но тут раздается голос цели. Говорит Бенджамин настолько решительно, что адреналин так и хлещет мне в вены.

– Сам знаешь!

– Ты из-за своей маленькой подружки явился? – машет рукой Фрэнк. Бенджамин кивает, и тот противно лыбится. – И что стряслось?

– Не смей лезть к ней и малышам.

– Не то что? – фыркает мужик.

Бенджамин делает угрожающий шаг вперед, я вскакиваю. Пускай мне велено было лишь следить за внебрачным сыном покойного Гарольда Маккензи, я более чем уверен, что его смерти семьи основателей не желают.

А значит, не бывать этому в мою смену.

Его гибель мне самому подпишет смертный приговор.

Натянув на голову капюшон толстовки, чтобы не видно было лица, я сбегая по шаткой лестнице, выскакиваю через заднюю дверь и несусь к дому напротив, за которым наблюдал последние несколько дней. Сначала ботинки звонко грохочут по асфальту, но вскоре звук шагов заглушает трава, густо растущая на заднем дворе. В голове прокручиваются все варианты исхода этой ссоры, и ни один из них мне не нравится.

За поясом у меня пистолет, и от мысли об этом пульс немного снижается. Однако действовать придется тихо. Впрочем, вряд ли кого-то из жителей этой дыры удивишь звуком выстрела.

Тянусь за спрятанным в ботинке ножом, пальцы легко и привычно берутся за рукоять. Привычка эта – результат пережитых ужасов.

Сегодня, однако, я сам кое для кого стану ужасом.

Приближаясь к задней двери, ведущей в кухню, слышу мужские голоса и звуки ударов. Заглядываю в окно проверить, как там развивается глупейшее представление, из-за которого у меня могут быть проблемы с Орденом и, хуже того, с отцом.

Фрэнк прижал Бенджамина к холодильнику и наносит ему удары, от каждого из которых внутри звякают бутылки. Моей цели удастся разок как следует ему заехать, но этого мало; если я не вмешаюсь, через пару минут он будет мертв.

Уже хватаюсь за дверную ручку и вдруг краем глаза замечаю всполох светлых волос. В кухню несется Делайла, яростно сверкая нефритовыми глазами, золотистая грива развеивается у нее за спиной.

За секунду она хватается со стойки нож и всаживает его Фрэнку в спину. Тот запрокидывает голову и ревет, как раненый медведь. Девушка резко выдергивает острие и бьет Фрэнка еще раз.

А я застываю на месте, замороженный ее дикарской красотой.

Забыв про вопли Фрэнка и встревоженный шепот Бенджамина, втягиваю ртом воздух. Делайла бросается к моей цели и, заняв оборонительную стойку, меряет взглядом приемного отца. По ее вскинутой вверх руке ползет алый ручеек, о кухонный пол бьются капли.

Да она офигенная!

– Тронешь его – убью, – говорит она очень тихо, и все равно слышно, что в голосе ее горит дикий огонь. – Я не шучу, Фрэнк.

В Библии Делайла предала своего любимого. До сих пор все женщины, которых я встречал, свои имена оправдывали. Но эта девушка – исключение.

Я ошибся. Она в самом деле опасна. Но не только для Бенджамина.

Теперь я понимаю, почему он попался, словно зверь в капкан. И завидую. Дико завидую.

Внутри поднимается волна желания. Так неожиданно, так резко, что я отшатываюсь и ослабляю хватку на рукояти ножа. Я и не знал, что в мире существуют такие женщины, как Делайла. Женщины, готовые рискнуть жизнью, чтобы защитить того, кого любят. Какая глубокая, непоколебимая преданность...

Я тоже так хочу.

Мне тоже это нужно.

Мне *нужна* она.

И наплевать мне, что там значит ее имя. Эта девчонка моя!

Глава 2. Делайла

– Мать твою за ногу!

Я выдыхаю, привалившись к двери спальни. Бен усмехается, но тут же хватается за ребра.

– Не смеши меня!

Я сердито вскидываю руки и, наверное, становлюсь похожа на надувную фигуру вроде тех, что ставят у входа в магазины.

– И не собиралась, – сверлю его взглядом. – Чем ты думал вообще, когда стал ему угрожать?

– Я? – Сводный брат неверяще таращит глаза. – Это ж не я его ножом пырнул. Себя и спрашивай.

– Справедливо. – Я мягко толкаю его к кровати. Он ложится, и я сую ему пакет замороженной овощной смеси. – Чего таращишься? Гламурных пакетов со льдом в нашу помойку не завезли.

Бен, охая, прижимает пакет к боку. У меня губы дрожат, но я поскорее беру себя в руки. Если мой сводный брат что и ненавидит, так это меня расстраивать.

Учитывая, что я только что пырнула человека ножом, нервы у меня не совсем в порядке. С другой стороны, есть и хорошие новости – я не убила Фрэнка. Надеюсь, этот урод не истечет кровью, не то мне конец.

– Лайла, посиди со мной.

Услышав это ласковое прозвище, я немного расслабляюсь. Улыбнувшись Бену, плюхаюсь на кровать рядом с ним. Случайно задеваю его рукой и снова хмурюсь.

– Извини.

– Если бы не ты, я был бы уже мертв, – качает головой он.

– Я бы ни за что этого не допустила. – Я беру его руку в свои и слегка сжимаю. – Мы одна семья.

Он медленно окидывает меня каким-то измученным взглядом:

– Точно. Семья.

Почему-то у меня шея начинает гореть, убираю руку, чтобы рассеять неловкость. Не должно быть между нами никакой натянутости. Когда мне было двенадцать, а Бену – пятнадцать, он водил меня покупать первые лифчики и прокладки. Утешал меня, когда я жаловалась, что моя никудышная мать меня бросила.

Но с недавних пор все изменилось.

Может, он нарочно отталкивает меня перед отъездом, чтобы я меньше по нему скучала. Я же знаю, что просто с ума сойду, когда он уедет.

Утром меня покинет мой единственный защитник. И мне придется самой со всем справляться. Что ж, по крайней мере, у меня есть нож.

– И что теперь? – спрашиваю. – Ты больше на меня не злишься?

Он шумно выдыхает, глядя в потолок.

– Я никогда не мог долго на тебя злиться. Ты же знаешь.

– Но сейчас все иначе. Либо Фрэнк поймет намек и сообразит, что я не стану с ним цацкаться, либо разъярится еще больше. В любом случае девочек я одних не оставлю. Ты должен меня понять.

– Я понимаю, – покосившись на меня, отвечает Бен. – Просто меня убивает, что в нужный момент меня не будет рядом.

– Ты так говоришь, будто мы никогда больше не увидимся, – с напускной серьезностью возражаю я. – А ну брось, не то пырну тебя ножом. У меня хорошо это получается.

– Лайла...

– Я пойду работать, накоплю на мобильник, и мы станем постоянно переписываться и перезваниваться. Вот увидишь. – Я легонько толкаю его в плечо. – А еще я буду грызть гранит науки, чтобы тоже поступить в крутой колледж. Разве они не дают стипендии нищим, но до фига умным?

– А я, по-твоему, как поступил? – закатывает глаза сводный брат.

– Вот видишь?

– Все верно.

– Напомни еще раз, как он называется? Научно-инженерный харборский университет яппи? Ну и аббревиатура! – Я скалю зубы.

– Ты прекрасно знаешь, что он называется Университет Саут-Харбор, – дергает ртом Бен.

– Что ж, – я опускаю голову, – до Бостона два часа езды, пешком не дойдешь.

Бен проводит пальцами по моей щеке.

Я замираю. Конечно, он и раньше ко мне прикасался. Например, когда учил драться. Но тогда все было совершенно невинно.

А сейчас выходит... как-то интимно.

– Лайла, я при каждой возможности буду вас навещать.

Я киваю, и он отдергивает руку.

– Пойду посмотрю, как там девочки, – объявляю я. – Как ты себя чувствуешь? Принести еще льда? Вернее, на этот раз пакет замороженной кукурузы.

Он с улыбкой качает головой:

– Все нормально. Синяк просто. Лучше проверь, как там мой противник.

– Точно? – подмигиваю я. – Надеюсь, спать будешь хорошо. Позови, если что-то понадобится.

– Спасибо, – с чувством произносит он. – Я серьезно.

– Да ладно. Ты бы для меня то же самое сделал.

– Конечно.

К двери я стараюсь идти спокойно. Ноги и руки так и гудят, и в коридоре мне сразу хочется пуститься бегом. И не только потому, что нужно проверить, как девочки. Сама атмосфера в доме какая-то напряженная. Когда тебе постоянно грозит опасность, привыкаешь доверять инстинктам.

А людям – нет.

Дом – скорее двухэтажная лачуга – по ночам будто оживает. Провалившиеся половицы стонут под ногами, когда я иду по узкому коридору к комнате девочек. Я прислушиваюсь, стараясь уловить подозрительные звуки, которые могли бы выдать, что Фрэнк замышляет месть,

но кроме легкого стука собственных шагов и далекого гула проезжающих машин ничего не слышу.

Медленно поворачиваю ручку. Дверь со скрипом открывается, я заглядываю в крошечную комнату и вижу почти полностью ее занимающий односпальный матрас, на котором, словно котята, свернулись Эмма и Сандра. Так мирно спят, симпатяжки, будто нисколько не боятся ночных чудовищ.

Особенно того, что рыскает внизу.

Убедившись, что с девочками все хорошо, я чувствую, как в груди что-то разжимается. Они никогда не рассказывали, что им довелось пережить, до того как мы попали в эту приемную семью. Но в свои девять и одиннадцать девчонки ведут себя настолько по-взрослому, что у меня сердце щемит. Конечно, сейчас, рядом со мной и Беном, они немного расслабились.

– Я вас охраняю, – шепчу я, скорее себе, чем им.

Это самая главная моя цель. Возможно, в ближайшие три года мне придется пожертвовать ради нее жизнью, но девочек я все равно в обиду не дам.

Никто, кроме Бена, никогда не был готов поставить под удар свою жизнь ради меня, и я с этим примирилась. Мне повезло, сводный брат у меня замечательный, это почти перевешивает все остальное выпавшее на мою долю дерьмо. Его любовь затмила для меня годы предательства.

Братская любовь, о романтической я и мечтать перестала.

Подбираю с пола кукольную кроватку – одну из немногих имеющихся у нас игрушек – и иду к себе. На тумбочке лежит нож, которым я пырнула Фрэнка. Кровавые пятна на нем видны даже в темноте. Интересно, они уже высохли?

От вида крови тошнота подкатывает к горлу. Но я ни о чем не жалею.

Делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю, потом беру нож и вытираю лезвие. Под матрасом у меня спрятан еще один, правда, не такой длинный и острый. Второй я привезла из дома, где жила раньше. Вернее, не *дома*, скорее жилища.

Дома у меня никогда не было.

Что-то более-менее получилось здесь, где я познакомилась с Беном и девочками, но все равно это место домом не назвать. Дом – это там, где тебя любят, где ты в безопасности.

Зажав нож в руке, крадусь к лестнице. Хмурюсь, внимательно пересчитываю ступеньки и ставлю кукольную кроватку на шестую сверху, чуть левее центра, если стоять к лестнице лицом.

Миссия выполнена, я взлетаю на второй этаж и сажусь на пол, привалившись спиной к стене. Сегодня я назначила себя охранником моей недавно приобретенной семьи. Им и останусь на все последующие ночи.

Пусть Фрэнк только сунется на второй этаж, пожалеет.

Глава 3. Делайла

Секунды ползут, постепенно превращаясь в минуты и часы. Я чуть расслабляюсь, но не настолько, чтобы провалиться в глубокий сон. Мне столько лет приходилось быть начеку, что, кажется, я вообще разучилась отключаться.

Ничего, в гробу отоспимся.

И вдруг, словно в ответ на свои мысли, я ощущаю какую-то темную энергию, отчего глаза мои распахиваются, а по коже бегут мурашки. Сердце скачет в груди, так и хочется броситься бежать, но я опускаюсь на корточки. И крепче сжимаю нож.

Если выбирать между бегством и дракой, я выберу драку.

Под покровом темноты неизвестный поднимается по лестнице, подходит все ближе и ближе. Двигается он уверенно и бесшумно: судя по точности и скупости движений, это явно не Фрэнк. Понятно, что я ничего толком не вижу и не слышу. Зато *чувствую*.

А вот и тень ползет по стене, подтверждая, что мне не почудилось. Тут незнакомец наступает на игрушку, и та громко трещит под ботинком – звук такой, будто зеркало разбивается на осколки от удара. Это сигнал, пора действовать.

Промедление может стоить мне жизни.

Инстинкт требует выставить вперед нож и броситься на незнакомца. Лезвие пронзает плоть, прежде чем я успеваю разглядеть, кто передо мной. Парень хрипло стонет, а я отдергиваю руку, готовая ударить снова.

Нападающий движется молниеносно. Перехватив мое запястье, блокирует атаку, и меня пробирает дрожь от неожиданного прикосновения. Перегруппироваться не успеваю – его пальцы безжалостно впиваются мне в кожу. Нож с глухим стуком падает на ковер. И звук этот предвещает мне неминуемую смерть.

А потом все другие звуки заглушает его голос – низкий, вкрадчивый. В нем, сбивая меня с толку, звенит сдерживаемый смех.

– Неплохо, – говорит незнакомец, подбородком указывая на порез на своем плече. – Но есть к чему стремиться.

У меня аж кожу покалывает от его хватки, но по сравнению с тем, какие чувства меня обуревают, это ерунда. Всматриваюсь в него, пытаюсь различить скрытые капюшоном худы черты.

Это уж точно не бродяга и не наркоман, как я поначалу подумала. Судя по речи, передо мной образованный человек. Спорю на левую сиську, что пацан из богатой семьи. Так какого же черта он забыл в нашем районе?

– Кто ты? – спрашиваю я.

Он же в ответ толкает меня спиной в стену. От удара из меня вышибает воздух, и мы просто молча меряем друг друга взглядами. Он стоит на ступеньке, я – на площадке лестницы, но наши глаза на одном уровне. Значит, в нем не меньше шести футов, что вообще-то довольно пугающе, когда в тебе самой всего пять футов и пять дюймов.

Я выпрямляюсь и чуть сгибаю колени, готовясь атаковать.

– Ты кто нахрен такой?

– Представься первая, маленький ястреб.

– С хрена ли ты меня какой-то сраной птицей обзываешь?

– Нет, ты не птица, но девочка ты умная. Нарочно положила на ступеньки игрушку, чтобы я на нее наступил и ты поняла, что кто-то идет. Верно?

Киваю, слегка удивленная тем, куда повернул наш разговор.

– Если не уберешься отсюда, я заору.

– Ой-ой, как страшно, – шелкает языком он. – Бенджамин еще не пришел в себя после драки, так что он тебе не поможет. К тому же ты ведь не хочешь разбудить малышей, верно?

Не знаю, откуда ему все это известно, но, как по мне, он со своими знаниями может идти в жопу.

– Что тебе нужно? – бросаю я.

Глаз его я не вижу, но чувствую, что он пялится на меня, и от этого тело обдает жаром. Таращусь на него в ответ, жалея, что нельзя убить человека лишь взглядом.

– Что мне нужно и что я собираюсь сделать – две разные вещи, – отзывается он, неизвестность одновременно пугает и разжигает любопытство. – Тебе скажу лишь, что ты в безопасности.

Я прыскаю и неверяще смотрю на него:

– Серьезно? Что-то я сомневаюсь.

Он кивает. В этот момент луна заглядывает в окно, высвечивая нижнюю часть его лица, и я вижу искривленные усмешкой красивые губы, почти прямой нос и квадратный подбородок. Надо же, от всей его фигуры исходит ощущение угрозы, а лицо совсем юное. На вид он не старше Бена, но умеет подчинить собеседника не хуже, чем взрослый и опытный мужик.

Смотрю на нож на полу, мысленно прикидывая, сколько секунд мне потребуется, чтобы подобрать его и пырнуть этого парня. Снова. Только на этот раз на эффект неожиданности рассчитывать не приходится.

– Даже не думай, – предупреждает он.

– Ты же говорил, что я в безопасности.

– От внешнего мира – да, но не от меня.

По венам струится страх, и сердце от этого бьется угрожающе быстро. Я сжимаю руки в кулаки, пытаюсь побороть желание добраться до оружия.

– Что это хоть значит?

– Слушай внимательно, маленький ястреб. – Я вскидываюсь, снова услышав это дурацкое прозвище, но ничего не успеваю сказать, он продолжает: – Фрэнк никогда больше не причинит вреда ни тебе, ни кому-то другому. Обещаю, Делайла.

Даже не знаю, что сильнее меня ошарашивает: что приемный отец мне больше не страшен или что незнакомец знает мое имя. Ноги подкашиваются от новой волны адреналина. Тело рвется в бой, но я сдерживаюсь и лишь сверкаю глазами.

– В каком это смысле? Фрэнк что, умер? Чушь какая-то...

– Чушь? – Он склоняет голову набок. – Хорошо, поясню: я убил его... но сначала заставил извиниться за то, как он с тобой обращался. Стоило ему произнести твое имя, как я в наказание вырвал ему язык. Теперь понятнее?

Кажется, сам воздух вокруг нас сгущается. Проникает в тело, забивает легкие, стесняя дыхание. Когда смысл его слов окончательно до меня доходит, я начинаю задыхаться.

Незнакомец со смертоносной грацией вспрыгивает на площадку, и я не могу им не любоваться, хотя и никогда в этом не признаюсь. Может, он и молод, но в каждом его движении чувствуется сила и властность. Они для него как вторая кожа.

Опустив руки, прижимаюсь спиной к стене.

– Не приближайся. – До чего же противно пищит голос.

Таким предостережением никого не отпугнешь.

Он останавливается. Я лишь беспомощно смотрю, как он медленно скрещивает руки на груди. Теперь, когда он рядом, сразу видно, насколько он выше. Просто демон какой-то, хоть и изображает тут моего ангела-хранителя.

– Почему? – шепчу я в повисшей тишине.

Сердце в ожидании его ответа, кажется, выскочит из груди.

– Почему? – мягко переспрашивает он. – Потому что никому не позволено трогать то, что принадлежит мне.

Этот чужой человек проник в мой дом и только что признался в убийстве, и все же я не могу сдержать праведное возмущение.

– Я тебе не принадлежу. – Я строптиво вздергиваю подбородок.

– Пока.

Я уже открываю рот, чтобы дать ему достойный ответ, типа «отвали, урод» или «а не сходить ли тебе на хрен», но тут он молча разворачивается и сбегает вниз по лестнице.

Голова кружится, меня мутит, и я опускаюсь на ковер, чтобы не грохнуться в обморок.

Какого хрена это было?

Глава 4. Ксавье

Морозный утренний воздух окутывает меня, цепляется за одежду, как жаждущая ласки девушка. Поворачиваю дроссель, и мотоцикл отвечает ревом. Мчусь по автостраде, наплевав на скоростной режим. Сегодня тот редкий случай, когда я полностью контролирую свою жизнь.

Но вскоре впереди начинают маячить мощные ворота отцовского поместья, и мне приходится сбросить скорость. И перестать витать в облаках. Кованые ворота медленно распахиваются, и я въезжаю на территорию, заранее страшась встречи с родней.

Отец вызвал меня, и у меня нет выбора, кроме как явиться, если я хочу и дальше дышать. В некоторых семьях основателей к сыновьям относятся как к наследникам, продолжению могущественной династии. К сожалению, моего отца интересует лишь его империя.

Поэтому я всего лишь один из солдат его долбаной армии.

Припарковав мотоцикл во дворе, глушу мотор. Двигатель затыкается, чего желаю и своему папаше.

Сняв шлем, кладу его на сиденье и приглаживаю пальцами темные волосы. Потом делаю глубокий вдох. Готовлюсь.

Разговоры с отцом – это всегда поле битвы, лучше вооружиться как следует.

Чем ближе я к особняку, тем более внушительным кажется строение. Вхожу в дом, вижу знакомые высокие потолки и мраморный пол под ногами. Всю жизнь я ходил по этим коридорам, но никогда не чувствовал себя здесь дома.

Шагаю по галерее, увешанной портретами предков, сделанных еще до Войны за независимость. Эти люди давно умерли, но перед смертью приложили руку к созданию нашей страны. И Ордена Обсидиана.

Еще одна армия, в которой я вынужден служить. Они призывают меня, как в свое время призвали и моего отца.

Теперь я за линией фронта, чувства моментально обостряются. Не могу вспомнить, чтобы хоть раз в жизни позволил себе расслабиться и перестать ежесекундно контролировать происходящее. Может, я это и умел когда-то, но разучился в тот день, когда отец впервые меня ударил. А мать просто смотрела на него и ничего не сделала.

Поворачиваю за угол – а вот и она, помяни черта... Мать похожа на картину художника, прекрасную и величественную, любоваться которой можно только издалека. Или на холодную мраморную статую, не способную проявлять чувства.

Или кого-то защитить.

– Ксавье, – говорит она, чуть склонив голову.

– Мама, – отзываюсь я, сохраняя нейтральное выражение лица.

Она смотрит на меня своими ледяными голубыми глазами, потом отводит взгляд. Если бы я мог предположить, что хоть немного ей дорог, решил бы, что она не может смотреть мне в глаза из-за чувства вины. Но я слишком хорошо ее знаю.

– Как ты? – с формальной вежливостью спрашивает она.

– Все хорошо.

Я в ответ не интересуюсь, как ее дела. В отличие от нее, я не трачу время на пустые любезности. Были времена, когда я готов был со слезами молить мать сказать мне доброе слово, но она всегда была на стороне отца. И это никогда не изменится.

Впрочем, причина подобной преданности – страх, а вовсе не любовь и привязанность. Не те чувства, что Делайла испытывает к Бенджамину. Я бы что угодно сделал, чтобы она так же относилась ко мне.

Мать деликатно откашливается.

– Отец ждет тебя.

Эта фраза могла бы стать девизом наших отношений. Если их вообще можно назвать отношениями. Мать кутается в отстраненность, как в плащ, не то еще, не дай бог, проявит какие-никакие чувства, вот же ужас.

Кого она боится? Отца? Конечно.

Меня? Возможно.

– Знаю, – отвечаю я.

– Очень хорошо.

Коротко кивнув, иду дальше. Говорить больше не о чем. Надежда на теплое общение между нами умерла в тот день, когда она предала меня.

Я останавливаюсь перед кофейного цвета дверью в кабинет отца. Коротко стучу и получаю разрешение войти в ад.

Также известный как отцовское святилище.

Закрываю за собой дверь. Это место величественнее королевского двора. Пахнет тут старой кожей, полированным деревом и слегка сигарами. Отец сидит за массивным дубовым столом, позади него высятся книжные полки.

– Ксавье. – Отец откладывает бумаги и поднимает глаза на меня. – Полагаю, тебе есть что сообщить о пацане Маккензи?

Нам с Бенджамином обоим по восемнадцать, но отец и меня считает мальчишкой, который без постоянного контроля тут же взбунтуется.

– Утром он уехал в Саут-Харбор, наверно, уже добрался.

Отец внимательно разглядывает меня своими серыми глазами. У нас не только цвет глаз одинаковый, но и взгляд – холодный и твердый.

– Нам удалось засунуть Маккензи туда, но мы выиграли только первый бой, – произносит он. – Удержать мальчишку там будет сложнее.

Я молчу. Каждое слово, каждое движение этих чертовых шахмат, в которые меня с детства заставляли играть, – часть отлично выверенной стратегии. Одно неловкое движение – и ты потеряешь не просто пешку.

– Есть у него какая-то слабость, на которую мы можем надавить?

Делайла.

Так и вижу ее – зеленые глаза сверкают, губы смеются. На мгновение я даже забываю, где я, кто я и что прямо передо мной угроза.

Одна мысль о ней может меня погубить.

В груди тесно, отчаянно стараюсь сохранить нейтральное выражение лица. За годы инстинкт самосохранения научил меня себя контролировать, и сейчас я выбрасываю из головы

все мысли о Делайле. Для отца все хорошее, что появляется в моей жизни – угроза. И он не задумываясь ее устранил.

Или хуже, заставит меня это сделать.

– Его нетрудно будет подчинить, – заявляю я, тщательно подбирая слова. – Ничто его дома не держит.

– Девушки нет?

Не знаю, встречается ли он с Делайлой, но это и не важно. В любом случае долго эти отношения не продлятся. Возможно, я и не стану его убивать, чтобы забрать Делайлу себе. Но всегда есть другие способы.

А в этом отношении... никаких рамок у меня нет.

Заставляя меня изучать техники боя и приемы для самообороны, отец наверняка и подумать не мог, что я стану использовать их ради девчонки. Признаться честно, мне тоже это не приходило в голову. Делайла – единственное в моей жизни, чего я не предвидел.

Но теперь развидеть ее я уже не могу.

Да и не хочу.

– Я несколько дней за ним наблюдал и не заметил никаких признаков отношений.

– Хмм. – Отец задумчиво трет подбородок. – Впрочем, неважно. Есть и другие способы управлять людьми. Не теряй его из виду, выясни слабые места и как мы можем их использовать. Твоя главная цель сейчас – найти рычаги влияния на наследника Маккензи.

– Я понимаю, – киваю я.

– Надеюсь.

– Еще что-нибудь? – На оскорбление я реагировать не собираюсь. – Мне нужно в кампус, на церемонию посвящения.

Отец откидывается на спинку кресла.

– Это для отвода глаз. Настоящая инициация состоится совсем скоро, рядовой.

Теперь я говорю не с Эдвардом Донованом. Передо мной сидит один из трех членов совета Ордена Обсидиана. Гильдии убийц.

– Орден, – киваю я.

– Орден, – повторяет он. – Мы поклялись хранить все в тайне, но тебя я к этому готовил всю жизнь.

Его слова напоминают мне о семейных традициях, наследии, построенном на манипуляциях, насилии и власти. Я смотрю на практически полную свою копию, понимая, что мне не избежать уготованной судьбы и, хуже того, не изменить ДНК. Я только для того и родился, чтобы служить тайному обществу, о котором почти ничего не знаю, но которому должен посвящать свою жизнь.

До самой смерти.

Узы прочнее, чем брачные, и куда более обязывающие.

Отец пристально смотрит на меня своими стальными глазами:

– Не опозорь меня, сын.

Я коротко киваю. На шее петлей затягивается неизвестность, ожидание грузом тянет к земле. Молчание отца и ощущение опасности затягивают узел на этой удавке.

– Ты свободен, – наконец произносит он. – Но я буду наблюдать за тобой. Все будут наблюдать за тобой, Ксавье.

Десять семей основателей. История длиной в сотни лет. Тысячи рекрутов, которые были до меня.

И только одна девушка, ради которой стоит жить.

Глава 5. Ксавье

*Первый курс Университета Саут-Харбор.
Несколько недель спустя...*

MORS SOLUM INITIUM.

Смерть – это только начало.

Древние слова звучат у меня в голове на обоих языках. Входят в мозг, как топор в древесину, постепенно разрушая мою выдержку. Я знал, что этот день придет и что он не станет моим последним днем на земле.

Для кого-то более слабого – возможно.

Некто стягивает с моей головы капюшон, и я моргаю от яркого света. Глаза привыкают медленно, но инстинкты уже требуют действовать. Убивать.

Спорю на свое наследство, для этого лига убийц меня сюда и притащила.

Я быстро оглядываюсь, подмечая, кто еще здесь. Конкуренты. Парни, которые либо станут моими братьями по оружию, либо набросятся на меня.

Инициацию нам устроили в башне замка, наверное куда более древнего, чем сам Орден. В воздухе густо пахнет землей, камнем и страхом. От мерцающего на стене факела льется слабый свет, но в помещении все равно царит зловещий полумрак.

Холодный пол под ногами беспощадно высасывает из тела тепло, а позвякивающие при каждом движении кандалы на запястьях и лодыжках – терпение. Руки и ноги скованы, я чувствую себя пленником, и от этого в памяти всплывают былые травмы.

Мне легче кровь пролить, чем избавиться от выбирающихся из подсознания темных образов.

Окидываю взглядом двенадцать парней, вместе со мной угодивших в это странное место. Все они, как и я, отпрыски одной из десяти семей основателей. Все мы были рождены для этой цели.

Кроме одного.

Новичок хмурит брови, словно спрашивая: «Какого хрена?» И даже не пытается скрыть шока и ярости при виде кандалов. А должен бы! Нельзя позволять другим читать твои мысли, это дает им преимущество.

Скоро он научится... или умрет.

Посреди комнаты, скрестив руки на груди, стоит мужчина, у ног его висится гора скинутых худи. Впрочем, будь его воля, Марк Барнум с большим удовольствием смотрел бы на гору трупов. Я не встречал никого безжалостнее его, он на все готов, чтобы выжить.

Впрочем, я еще безжалостнее.

– Внимание, рекруты! – гремит Марк, и шепотки тут же стихают.

Чтобы все перенести и выжить, призываю на помощь все силы. Ментальные и физические. Что бы он ни приказал, мне это по плечу.

– Ублюдки, вам не выбраться отсюда, пока один из вас не умрет, – скалится Марк.

И башня мгновенно превращается в арену. Скоро прольется чья-то кровь. Только не моя.

Краем глаза наблюдаю за новичком. Он, звеня кандалами, ерошит белокурые волосы, и все на него оборачиваются. Бедный придурок, он только что поставил на себе мишень.

Остальных-то к этому готовили. Нас для того и растили. В других семьях детей отправляют в армию, а в наших – в Орден Обсидиана, чтобы сделать из нас элитных убийц. Это считается честью.

И отказать от этого предложения нельзя.

– Чтобы было интереснее, я нашел вам стимул, – цедит Марк. Потом достает из заднего кармана джинсов три ножа и кладет их у своих ног. – *Mors solum initium*, подонки.

Стоит ему выйти и запереть за собой бронированную дверь, как все кидаются вперед в надежде завладеть оружием. Звон цепей заглушают вопли и брань.

Не отрывая глаз от потасовки на полу, я медленно поднимаюсь на ноги. По венам привычно струится адреналин, готовя меня к битве.

Мне, чтобы убивать, нож не нужен.

Раздается болезненный вскрик – это Эрик Гейдж ранит кого-то своим новообретенным оружием.

Райан Эмерсон, скорчившись от боли, зажимает руками живот, дорогая рубашка окрашивается красным. К запаху земли в воздухе теперь примешивается металлический аромат крови.

– Это все, на что ты способен, Эрик? – Райан сплевывает на землю. – Похоже, вместо тренировок только и делал, что удалывался. У тебя и так-то мозгов не много было, а дурь отшибла последние.

– Я покажу тебе, кому тут мозги отшибло. – Эрик усмехается, но глаза его гневно сверкают. – А после займись твоей девчонкой.

Эрик пытается нанести Райану удар снизу, но тот легко уклоняется от его кулака, а когда Эрика заносит по инерции, воспользовавшись моментом, вставляет ногу между его коленей. Слегка растерявшись, Эрик отшатывается, почти успешно уклоняясь от удара Райана. Наследник состояния Эмерсон, даже раненый, – грозный соперник.

Я слежу за ними из дальнего угла и остальных тоже не упускаю из виду. Все не сводят глаз с потасовки. Наверняка надеются, что Райан прикончит Эрика и избавит их от опасности или необходимости самим кого-то убить.

По крайней мере, сегодня.

Так-то для каждого из нас однажды пробьет свой час.

Когда тебя принимают в гильдию убийц, удивляться смертям не приходится. Отцы и дяди всех здесь собравшихся в свое время тоже прошли инициацию, но поскольку общество наше тайное, обряды тоже должны проходить втайне. Тем не менее отец готовил меня к этому всю мою жизнь. В камере я сегодня не в первый раз.

И не в первый раз получаю приказ кого-то убить.

Эрик всегда был самым нестабильным из всех отпрысков. Все дети из семей основателей учились в одних и тех же престижных школах и посещали одни и те же светские мероприятия,

так что его поведение меня не шокирует. Откровенно говоря, меня вообще мало что может удивить.

Разве что зеленоглазая девушка с медовыми волосами и ножом в руке. Она последняя, кто угрожал мне оружием. Я улыбаюсь, вспоминая этот момент.

Стараюсь выбросить Делайлу из головы. Это непросто, но, поскольку меня того и гляди убьют, мозг подчиняется. Наконец-то. Я не переставал думать о ней с первой встречи.

Эрик выпрямляется – грудь тяжело вздымается, светлые волосы прилипли ко лбу. Даже издали я вижу, как он прикидывает шансы на победу над Райаном. Едва заметно расширившиеся зрачки его выдают.

– Меня хотя бы ждет теплая киска, – ухмыляется Райан. Умудряется смеяться, хотя корни его волос потемнели от пота, а по лбу ползут капли. – А тебя – только шприц. С ним трахаться довольно сложно, впрочем, в мире нет ничего невозможного.

По толпе прокатывается сдавленный смешок, который рекруты тут же пытаются спрятать за кашлем.

Эрик явно злится, шея его наливается кровью. На мгновение я теряю самообладание от мысли, что Эрик сейчас сглупит и продолжит схватку с Райаном, хотя и явно уступает ему по силе. Однако инстинкты, подсказывающие, что тут ему не победить, перевешивают упрямство.

– Отвали, – выплевывает он. – Мой отец – один из трех членов совета. Однажды я займу его место. Наша фармацевтическая империя приносит Ордену столько денег и власти, что вам и не снилось. И тебе об этом не забыть даже в те минуты, когда твоя подружка тебе сосет.

Эрик, звеня цепями, разворачивается и голодным взглядом окидывает зал в поисках нового оппонента. Вернее, новой жертвы.

Когда его взгляд останавливается на новичке, я напрягаюсь, но сохраняю скучающее выражение лица. О приказе, который мне дали, не знает никто, даже моя цель.

Бенджамин Маккензи жметесь в углу, лихорадочно оглядываясь по сторонам, пока его взгляд не останавливается на Эрике. Тут он вскидывается, сжимает кулаки и принимает боевую стойку. Но одного желанья драться недостаточно. Даже если бы ему удалось завладеть ножом, его шансы победить были бы невысоки.

Эрик, жестоко улыбаясь, направляется к новичку.

– А ты откуда нарисовался, милашка? – Остановившись в паре метров от Бенджамина, он окидывает его придирчивым взглядом. – Ты не один из нас, как же ты сюда попал?

Бенджамин молчит. Секунды бегут: если я не вмешаюсь, смерти ему не миновать. И я перевожу взгляд на Деклана Кента. Наследник медицинской династии встречается со мной глазами и вопросительно вскидывает бровь. Я указываю подбородком на нож в его руке.

В такой ситуации это серьезная просьба. Настало время проверить, действительно ли Деклан мне доверяет. Еще нож есть у Саймона Пайна, и мои шансы завладеть им, не получив травмы, крайне сомнительны.

Деклан многозначительно на меня смотрит, я отвечаю тем же, мы понимаем друг друга без слов. Никогда не считал его своим другом, но, кажется, теперь буду. К тому же останусь перед ним в долгу.

Нахмурившись, он передает мне нож. Я беру его за кончик лезвия. Нож легче, чем те, которыми я обычно пользуюсь, к нему еще нужно приноровиться.

– Последнее слово? – Эрик поднимает руку, на стали зловеще мерцает отблеск факела. Бенджамин по-прежнему молчит, и Эрик закатывает глаза. – Ладно, не хочешь, не говори, все равно скоро начнешь орать.

В глазах Бенджамина светится отчаяние и предвкушение, плечи его напрягаются еще сильнее. Это и выдает его неопытность. Эрик же движется с такой отточенной плавностью, что сразу видно – за этим стоят годы тренировок. Отчасти – вынужденных, отчасти – вызванных желанием насладиться чужими страданиями.

Играя на нервах противника, он перебрасывает нож из одной руки в другую.

– Сейчас повеселимся.

Эрик делает ложный выпад влево, новичок отшатывается назад и окончательно загоняет себя в угол – теперь ему некуда отступать.

Мне удается опередить Эрика. Я вонзаю клинок ему в бок четко, резко и со смертоносной силой. Сталь с приятным звуком прорезает мышцы и сухожилия.

Раздается вопль жертвы – и вопит не Бенджамин.

Эрик с рыком выдирает нож и оборачивается, ища глазами нападавшего. Зал наполняет медный запах свежей крови. Из раны на боку Эрика брызжет алым, но яростью он брызжет еще сильнее.

– Какого хрена, Икс?

– Просто чтобы было интереснее, – развожу руками я.

Краем глаза вижу, как Бенджамин с трясущимися руками разглядывает меня. Цепи на запястьях мешают двигаться, и мой бойцовский инстинкт очень этим недоволен. Драться с Эриком без оружия будет непросто, но наследник Маккензи должен выжить.

Эрик приближается ко мне, Деклан шагает в мою сторону. Заметив такую солидарность, Эрик тормозит. Но долго удивляться преданности Деклана ему не приходится, потому что в ту же минуту на него бросается Саймон.

С точки зрения стратегии я его понимаю. Союзника у Эрика нет, к тому же он ранен, а значит, уязвим. Но это не гарантирует, что он слаб.

Эрик стремительно, как змея, уклоняется от удара и прямо в движении чиркает ножом по боку Саймона. От скрежета стали я сжимаю зубы. Дерущиеся же ничего не замечают.

Саймон, зловеще усмехаясь, обходит противника кругом, а зрители тем временем начинают выкрикивать оскорбления обоим дерущимся, чтобы распалить тех еще сильнее. Эрик пытается ударить Саймона по ребрам, но не дотягивается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.